

МИХАИЛ БОЙКОВ

**БРОДЯЧИЕ
МЕРТВЕЦЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУССКОЕ СЛОВО"
БУЭНОС АЙРЕС

1 9 5 6

Михаил Бойков

Бродячие мертвецы

1. Телефонный разговор

- Кто это? Холмин?
- Да. Кто говорит?
- Это я. Дохватов. Слушай, Шура. Ты сейчас очень занят?
- Да, как сказать, Василь Петрович? Сдаю судебную хронику в следующий номер газеты.
- И надолго это у тебя?
- Приблизительно часа на полтора.
- Ладно. Кончай свою писанину и сыпь ко мне. Есть дело.
- Интересное?
- Вроде.
- А подробности?
- О них по телефону мы не говорим. Сам понимаешь.
- Я думал, что это для газеты.
- Пока нет.
- Жаль. У нас интересного материала на четвертую страницу не хватает.
- Так, значит, жду. Ясно-понятно?
- Хорошо. Сейчас приеду. Хроника подождет...

Такой телефонный разговор произошел однажды утром между заместителем начальника оперативного отдела Уголовного розыска Василием Петровичем Дохватовым и репортером областной газеты Александром Холминым.

Они были почти приятелями, несмотря на различие во внешности, возрасте, привычках, служебном и семейном положении. Дохватов обладал очень удачной для его профессии наружностью, устрашающей самых закоренелых уголовников: смуглый и курчавый, как цыган, с угловатыми и хищными чертами лица, выражение которого состояло из смеси дерзости и подозрительности к окружающим. Взгляд его черных диковатых глаз был тяжелый, пронзительный и, в одно и то же время, вопрошающий, оценивающий и осуждающий. Смотрел он всегда искоса и так, как будто в кого-то штопор ввинчивал. Кожаная куртка на его широких плечах, еле выдерживая их давление, постоянно жалобно поскрипывала, а из ее рукавов высовывались красные волосатые лапы, больше всего подходящие для кулачного боя.

Наружности Холмина девушки давали такую оценку:

- Парень он ничего себе: и лицом чистый, и фигурой стройный и чуб, как полагается. Только вот нос картошечкой.

И воротили от него свои носики, чем влюбчивый по натуре репортер чрезвычайно огорчался. Успех у девушек ему приходилось иметь лишь случайно, редко и при исключительных обстоятельствах.

Двадцатилетний Холмин был одинок и холост; родители его умерли в голодном 1922 году. Дохватова, вдвое старшего, чем он, обременяла большая семья, что, впрочем, не отражалось на их приятельских отношениях. Первый из них был тем, кого великие и малые советские власти называют «беспартийным спецем», человеком в данный момент на службе незаменимым, но которого все же стараются заменить и, в конце концов, заменяют коммунистом или комсомольцем. Второй — состоял кандидатом в члены ВКП(б); без этого занимать руководящий пост в Уголовном розыске просто невысказано.

Обоих объединяла страсть к раскрытию преступлений и одинаковое отношение к советской власти. И тому, и другому одинаково надоели и она, и ее «социальные заказы». Разъединяла репортера с сотрудником Уголовного розыска сыскная методика. Первый изучал криминологию и придерживался старых, «классических» методов расследования, второй считал, что подобные методы слишком мягки и мало применимы в советских условиях.

— Собственной криминологии, — говорил Дохватов Холмину, — мы пока что не имеем — никто ее не разработал. Да и как разработать, когда у нас преступник особый? На дореволюционного или капиталистического он похож мало. То у него уголовщина с политикой смешивается, то его гепеушники уже в тюремной камере искусственным бандитом сделали, то он вообще на них работает. А что касается Ламброзо с его криминальными альбомами, так у нас они давно устарели. В ГПУ за неделю из честнейшего профессора такого урку¹ сделают, таких «преступных шишек», на голове ему наставят, какие Ламброзо и не снились. Нет, у нас преступника нужно брать на испуг, на горло, на пушку, а если требуется, то применить к нему и гепеушные методы физического воздействия. Тогда дело будет.

— А какими методами было расследовано дело о «сухариках»? Или о пропавшей пуле? Вашими или Моими? — спросил Холмин.

— Так это же, Шура, исключения из общего правила, — недовольно пробурчал Дохватов. — Это специально для тебя. Потому-то я тебя на такие дела и приглашаю. Ясно-понятно?...

В подобных «исключениях из правила», в загадочных и запутанных уголовных делах Холмин и Дохватов дополняли друг друга; криминальные теории дополнялись практической деятельностью Уголовного розыска и наоборот.

Холмин познакомился с Дохватовым не случайно, а по приказанию редактора газеты. Это произошло после назначения Холмина судебным репортером в информационный отдел редакции. Редактор сказал ему:

— Мы хотя и не буржуазная печать, но все-таки с другими газетами конкурируем, а поэтому ежедневно нуждаемся в сенсационном гвоздевом материале. Немедленно отправляйтесь в Уголовный розыск. Заведите там прочные связи. И в судах, конечно, тоже. Приличный судебный репортер должен быть в курсе всей местной уголовщины... Кое-как, преодолевая немалые трудности, Холмин «связи завел» и, с течением времени, они окрепли.

2. Странные случаи безумия

Дохватов встретил Холмина вопросом:

— Слушай, Шура, ты село Дубовское знаешь?

— Приблизительно, — ответил репортер.

— И твое мнение?

— О чем?

— Об этом селе.

— Да как сказать, Василь Петрович? Расположено оно на самой границе предгорий Эльбруса. Жителей — тысячи полторы. В большинстве старoverы-беспоповцы. Раньше были зажиточными, но при советской власти захудали. Настроение антисоветское. В колхоз идти отказываются.

— Отказывались, — поправил его Дохватов.

¹ Уголовника.

— А теперь? — спросил Холмин.

— Валом валят в колхоз. И на общем собрании постановили и заявления индивидуальные пишут. Просто удивительно.

— Что же их так в колхоз потянуло?

Агент Уголовного розыска пожал плечами.

— По-видимому, колхозная агитация улучшилась.

— С помощью наганов ГПУ?

— Нет, брат. В Дубовском наганы применять нельзя.

— Отчего же? В других селах ведь применяют.

— Там положение другое. А тут — старoverы. Люди крепко организованные, сплоченные. Тронь их, так они, по приказу своего главного старца-начетчика, в одну ночь, ясно-понятно, снимутся и в горы к абрекам² махнут... Хотя, что же это, Шура, мы с тобой про коллективизацию разговорились? Пускай ею занимаются те, кому это нужно, а я тебя вызвал совсем по другому делу.

— По какому? — спросил репортер, загораясь профессиональным любопытством.

— Дело касается вышеупомянутого села. Месяц тому назад там умерли две женщины, а один мужчина сошел с ума. Произошло это в одну и ту же ночь.

— А вы, Василь Петрович, ничего мне об этом и не сказали, — с упреком заметил Холмин.

— Так, Шура! — воскликнул Дохватов, поднимая обе ладони вверх. — Мало ли в наше время людей помирает и сходит с ума? Эпоха такая. Я сам сперва не придавал значения этим случаям. Но вчера, в областную психбольницу, из села Дубовского доставили еще двух сумасшедших. Молодые ребята, приблизительно твоего возраста. Заинтересовавшись, я поехал на них взглянуть, и вот что меня поразило: оба бормочут о каких-то мертвецах и у обоих на физиономиях застывшее выражение ужаса. Почти такое же, как у их односельчанина, сошедшего с ума раньше... Что скажешь, Шура?

— Пока ничего. Жду, что вы скажете мне дальше, — ответил Холмин.

В разговоре с агентом он обращался к нему на вы из уважения к возрасту. Агент называл его на ты из снисхождения к юности. Иногда, правда, и Холмин переходил на ты, но это бывало при обстоятельствах исключительных.

— Что же я еще могу добавить? у меня ничего особенного, как будто, больше нет, — произнес Дохватов, в раздумья.

— Отчего умерли те две женщины из Дубовского?

— Определение медицинской экспертизы длинное. Но, выражаясь по-нашему, от разрыва сердца.

— Их уже похоронили?

— Ну, конечно.

— Жаль. Хотелось бы на них взглянуть.

— Но нельзя их, ясно-понятно, держать в мертвецкой целый месяц.

— Интересно, какое выражение было на лицах этих умерших?

— Выражение?... Да тоже такое, будто они перед смертью чего-то испугались.

— А что говорят врачи о сумасшедших?

Дохватов возмущенно передернул плечами так, что его кожаная куртка жалобно затрещала.

— С этими докторами прямо беда. Не умеют работать на быстроту. Заявляют, что для них все три случая сумасшествия весьма странные и клинические и что для их исследования потребуется много времени. А как я могу ждать?

— Своих агентов в Дубовское уже послали?

² Абреки в наше время — северо-кавказские повстанцы против советской власти.

— Нет. Сам думаю поехать. На прошлой неделе двое наших агентов там были. По другому, правда, делу. Но в их донесениях ничего особенного не имеется. А меня Дубовское, ясно-понятно, заинтересовало. Ты, как со мной туда? Сможешь?

— Постараюсь в редакции получить командировку.

— Давай-давай.

— Только я сначала хотел бы увидеть трех сумасшедших дубовичан в психиатрической больнице.

— Это можно. Сейчас поедem туда...

* * *

Санитар психиатрической больницы, угрюмый, белобрысый детина с мускулами и ухватками профессионального вышибалы, открыл дверцу, прикрывавшую решетчатое окно и, ткнув в него пальцем, коротко и хрипло проворчал:

— Они самые.

Дохватов и Холмин с любопытством заглянули в окно. За его решеткой была небольшая комната, ярко освещенная двумя стосвечевыми лампочками, ввинченными в потолок и прикрытыми проволочными сетками. Три деревянных топчана без матрасов, вделанные ножками в цементный пол, протянулись вдоль стен. На двух из них лежали человеческие фигуры в смиренных рубашках: одна молчала, уткнувшись головой в стену; другая, уставившись в одну точку невидящими, опустошенными безумием глазами, выкрикивала, истерически задыхаясь:

— Бродячие мертвецы! Мертвецы... мертвецы... мертвецы!

Третий топчан был пуст, но рядом с ним стоял на коленях бритоголовый человек в нижней рубашке и кальсонах и что — то бормотал глухим, неразборчивым голосом, низко опустив голову.

— Действительно лица у них жуткие. Сплошные гримасы ужаса, — произнес Холмин, с чувством брезгливой жалости разглядывая несчастных, потерявших разум.

— Дюже они спужались чегой-то. Навсегда спужались, — подтвердил санитар.

В этот момент человек на коленях поднял голову и, упершись в решетчатое окно пустым, бессмысленным взглядом, заговорил гнусаво, монотонно и нараспев:

— Молодой месяц взойдет на небе. И встанут из гробов мертвецы. И скажут: «Идите!» А кто не пойдет — да будет проклят. И помрет лютою смертью. И сгорит в геене огненной. Его последняя фраза перешла в нечленораздельное бормотанье, и он снова опустил голову на грудь. Холмин и Дохватов удивленно переглянулись.

— Откуда он таких слои набрался? — спросил агент.

— Похоже на какое-то заклинание, — заметил репортер и обратился к санитару:

— Что еще этот больной говорит?

Санитар отрицательно крутнул головой.

— Больше ничего. Скажет про месяц и мертвецов, а после бормочет непонятное. Опять скажет и обратно бормочет.

Дохватов и Холмин продолжали разглядывать трех сумасшедших. Потоптавшись у двери с решетчатым окошком, санитар предложил:

— Может, граждане, желаете во внутрь войтить? Ежели не боитесь.

— А чего же бояться? — спросил несколько задетый его словами агент.

— Да этих-то двух бояться нечего. Я их на совесть психспецовками скрутил. А тот на людей кидается, поскольку спецовки ему нехватило; у нас их по норме недостача. Но со мной войтить можно. Меня тут все психи уважают. Мою физику. Она у меня дюже крепкая. С самым буйным справлюсь.

— Нам к ним входить, пожалуй, незачем, — сказал Холмин. — Я на них насмотрелся достаточно. С меня хватит.

— И с меня, ясно-понятно, тоже, — откликнулся Дохватов. — Спасибо, товарищ санитар...

После осмотра сумасшедших они разговаривали с директором психиатрической больницы. Пожилой, — полный и лысый мужчина с холеной «старорежимной» бородкой и «интеллигентским» пенсне на шнурке, одетый в белый, но не очень чистый халат, раздраженно говорил, обращаясь к Холмину:

— Я уже имел честь докладывать вашему коллеге, что интересующие вас странные клинические случаи безумия требуют тщательного и длительного анализа. Нельзя поставить диагноз без всестороннего изучения истории болезни. Следовало бы поехать на место ее возникновения, но у нас для этого нет абсолютно никаких возможностей: ни медицинских работников, ни командировочных средств, ни...

— Мы это понимаем, — перебил его Дохватов. — Но вы все-таки, как-нибудь, поторопитесь. Уголовный розыск ждать не может. Ясно-понятно?

Врач вдруг рассердился.

— А медицина, милостивый государь, «торопиться как-нибудь» не может. Это вам не воров ловить. Да-с, уважаемый!

— Ничего. Мы сами поторопимся, — успокоительно заметил Холмин.

Директор больницы поклонился с подчеркнутой поспешностью.

— Сделайте одолжение, милостивые государи. Только ко мне, пожалуйста, больше не приставайте...

* * *

Вечером Холмин явился к Дохватову.

— Командировку в Дубовское от редакции добыл. Когда едем?

— Завтра утром. Шамовку³ надо взять с собой. Иначе в столовке дубовского Дома крестьянина с голодухи подохнем. Внешность придется изменить.

— Гримироваться, что ли? — не без удивления спросил Холмин.

— Не гримироваться, а сменить костюмы, — ответил Дохватов. — От моей кожанки и твоего пиджака будет за версту нести Угрозыском. Оденешь толстовочку, кепочку и ватник. Поедем под видом районных заготовителей пуха и пера. Командировочные удостоверения мне сделают. Брезентовый портфель у тебя есть?

— Никакого нет. Нам портфели носить запрещено.

— Неясно и непонятно почему.

— У репортера в одной руке должен быть блокнот, в другой — карандаш. Портфель держать нечем.

— Ладно. Я тебе достану портфель. Наган тоже.

— Мне, Василь Петрович, револьвер не нужен.

— Опять неясно и непонятно.

— А вдруг с вами в командировке, не дай Бог, что-нибудь случится и милиция, при обыске, обнаружит у меня огнестрельное оружие без разрешения на него. Тогда что?

— Разрешение достать можно. С моим поручительством.

— Нет, Василь Петрович. Во-первых, это длинная история, а, во-вторых, я привык обходиться без револьвера. Он мне только карман будет оттягивать.

— Ну, как хочешь. Запасную машинку я, на всякий случай, захвачу. А ты готовься. Ясно-понятно?

— Понятно...

³ Еду

3. Пьяный гармонист

Ужинающих в столовой Дома крестьянина⁴ села Дубовского было мало и они не обратили почти никакого внимания на вошедших сюда двух новых посетителей, по внешнему виду «товарищей из города». Только несколько недружелюбных взглядов проводили их от двери до столика.

На вошедших были мятые кепки и ватные куртки, из-под которых виднелись, так называемые, рубашки-толстовки с матерчатыми поясками, а под мышкой у каждого торчал брезентовый портфель.

Так обычно одеваются в сельских районах городские представители всевозможных мелких заготовительных организаций. И таких горожан, жадной саранчей набрасывающихся на скудные остатки плодов крестьянского труда, уцелевшие после государственных поставок, жители подсоветских сел и деревень весьма недолюбливают. — Ну, Шура, чем будем кормиться? Своим? — спросил старший из портфеленосцев у младшего, садясь за накрытый грязной и липкой клеенкой столик на ветхую скамейку, закачавшуюся с угрожающим скрипом.

— Что вы, Василь Петрович? — вполголоса возразил младший. — Сразу хотите нам здесь рекламу создать? На ваши закуски из закрытого распределителя все Дубовское смотреть сбежится. Не думаю, чтобы нам это было выгодно.

— Ты прав. Придется попробовать домокрестьянскуюстряпню, — со вздохом согласился старший и подозвал лениво проходившего мимо парня с мокрой тряпкой в руках вместо салфетки:

— Эй, товарищ подавальщик!

— Чичас, — откликнулся тот, даже не взглянув в сторону позвавшего его и нырнул за досчатую перегородку в кухню.

Прошло четверть часа. Парень с тряпкой не появлялся. Дохватов начал возмущаться:

— Безобразие! Куда его черти занесли? Сколько же можно ждать?

— Не волнуйтесь, Василь Петрович, а лучше наблюдайте окружающую обстановку, — успокоительно сказал Холмин.

— Да, что тут наблюдать? Грязно, холодно и погано, как в любой столовке домокрестьянской ночлежки...

Через полчаса парень, наконец, появился, но к их столу соизволил подойти лишь после того, как Дохватов вторично позвал его.

— Вам чего, граждане? — спросил парень и, не глядя на них, лениво стал вытирать мокрой тряпкой настольную клеенку.

— А что у вас есть? — осведомился Дохватов.

— Борщ, каклеты и каша.

— Еще что?

— Так это ж полный ужинный камплект. Чего ж вам еще?

— Борщ с мясом? — спросил Холмин и получил не совсем вежливый, но обстоятельный ответ:

— Откуда? От сырости? У нас мясной борщ бывает токо по большим пролетарским праздникам.

— По каким? — поинтересовался Дохватов.

— В день 1 мая и на Октябрьскую революцию.

— Может быть, котлеты мясные? — со слабой надеждой в голосе спросил Холмин.

— Картофельные! — сразу разбил его надежду парень с тряпкой.

— Жаль. А каша какая?

— Ячменная.

⁴ Сельский ночлежный дом.

— С остюками?

— Есть, конечно, и остюки. Поскольку очистка крупы не особо качественная. Но жевать можно. Ежели не торопясь.

— Ясно-понятно, — сказал Дохватов. — Тащите нам все это. Попробуем... Как с выпивкой?

— Водка и вино всегда имеются.

— Вино-то, надеюсь, виноградное?

— Плодо-овощное.

— Какое?! — воскликнул удивленный Холмин.

— Союзвинплодовощ его знает, какое оно. Вроде из фруктов с овощами. Пьющие не обижаются. В голову ударяет... Принести бутылку?

Дохватов протестующе замахал на него руками.

— Давайте не надо. Еще отравимся.

— Мы людей не травим, — обиженно пробурчал парень, отходя от стола.

— Принесите нам две стопки водки по сто грамм, — крикнул вслед ему Дохватов.

Прошло еще не меньше четверти часа, прежде чем парень принес две тарелки бурого, подозрительного на вид борща. Тарелки были полные, и в каждой из них он купал большие пальцы своих рук. Дохватова передернуло.

— Вы, товарищ подавальщик, в каждой тарелке свои пальцы моете? — свистящим полусшепотом спросил он.

— Как мою? — не понял тот.

— А вот так, как сейчас.

— Граждане! Ну, чего вы из меня жилы тянете? У нас не ресторан. Подносов нету. Надо ж понимать, — заныл парень, ставя тарелки на стол.

— Давайте не будем хамить! — оборвал его Дохватов.

Парень на секунду опешил, но потом его круглая, веснушчатая физиономия побагровела, белобрысые брови двумя дугами поднялись вверх, такие же белобрысые ресницы заморгали и он начал орать:

— Что?! Как вы сказали? А ну, повторите! Да я вас привлеку к ответственности за оскорбление личности при исполнении служебных обязанностей. А ну, повторите!

— Заткнись, ты, суслик! Чтоб тебя побрали бродячие мертвецы, — зло вырвалось у Дохватова.

Холмин предостерегающе схватил его за рукав.

— Василь Петрович!

Но было уже поздно. На физиономии парня изобразился панический ужас, и он, как ужаленный, отскочил от стола, смахнув с него тарелку с борщом. Бурая жижа лужей разлилась по полу. С минуту простояв столбом, парень кое-как пришел в себя и заговорил плачущим голосом, ища поддержки у сидящих за соседними столиками. При этом он усиленно напирал на окончания слов, приставляя к ним мягкий знак:

— Товарищи! Граждане! Что же это такое делается? Приходят. Требуешь мяса.

Плодоовощное не пьют. Обзывают сусликом. И пугают. Бродячими мертвецами пугают. Это что же, я вас спрашиваю?

«Товарищи» и «граждане» сидели, опустив носы в свои тарелки и стаканы и делая вид, что они ничего не видели и не слышали. Убедившись, что его восклицания и вопросы производят на них действие «гласа, вопиющего в пустыне», парень обратился к кому-то, сидевшему в самом темном углу столовой:

— Кондратий Палыч! Ты-ж надзиратель за порядком. Так чего молчишь? Тут явная вражеская вылазка.

Из угла выдвинулась долговязая фигура и подошла к столику, занятому Холминым и Дохватовым. На них уставилось молодое, почти мальчишеское лицо, которое можно было бы назвать красивым, если-б не рябины оспы и отсутствие левого глаза на нем.

— Об чем шум, граждане?

Дохватов ощупал его косым, оценивающим взглядом.

— А вы, кто такой?

Одноглазый ответил на вопрос по-мальчишески звонко, но с претензией на важность и внушительность:

— Старший осодмилец⁵.

Дохватов криво ухмыльнулся.

— Ага! Важная, значит, птица.

— Важная или неважная — это не ваше дело. Предъявите документы!

— Пожалуйста.

Агент Уголовного розыска и репортер достали из карманов свои паспорта и командировочные удостоверения. Осодмилец взял их и начал читать, беззвучно шевеля губами. Прочел внимательно, еще внимательнее осмотрел печати и, возвращая документы владельцам, заговорил нравоучительным тоном:

— Нехорошо, товарищи. Очень нехорошо. Вас сюда зачем прислали? Пух-перо заготовливать. А вы чем занимаетесь? Всякими классово-чуждыми разговорчиками вызываете недовольство окружающего населения вообще и обслуживающего персонала Дома крестьянина в частности. Это, товарищи, граничит с контрреволюцией. Так и до исправтрудлагеря докатиться можно.

Слушая одноглазого юнца, Дохватов еле сдерживал и гнев, и смех. Холмин многозначительно и умоляюще смотрел на агента, опасаясь, что он чем-нибудь выдаст их инкогнито. Но Дохватов сдержался, погасил огонь своих цыганских глаз и, напустив на себя простоватый вид, сказал просительно:

— Вы, товарищ старший осодмилец, на нас, пожалуйста, не обижайтесь. Мы же ни в чем не виноваты. По пути в ваше село, на полустанке слышали про бродячих мертвецов. Будто, они у вас в селе завелись. А кто такие эти бродячие мертвецы...

Закончить фразу ему не дали стук распахнувшейся двери столовой и громкий голос с порога:

— Кто тут бродячими мертвецами интересуется?

Холмин, вскинув голову, быстро повернулся на стуле к порогу. Там стоял тот, кого обычно называют «первым парнем на деревне» — молодой советский гармонист.

Находясь в состоянии сильного подпития, он еле держался на ногах. И гармонист и его гармонь, висевшая на ремне через плечо, были мокры от дождя, поливавшего по-осеннему с самого утра.

— Мы интересуемся, — поспешил ответить Холмин на вопрос пьяного.

Гармонист шатаясь подошел к нему и спросил заплетающимся языком:

— Вы. А в-вы откуда взялись?

— Из города, — ответил репортер.

— С городу, — повторил гармонист. — А я завтра в город поеду. В обком партии. До самых главных властей. И все им про бродячих мертвецов расскажу. Вы тут, — пьяным жестом обвел он столовую, — ничего про них не знаете, а я знаю. Вот как.

И в подтверждение своих слов он растянул гармонь, нажав на басы. Гармонь рявкнула и загудела.

Дохватов, не сдержавшись, вскочил со стула.

— Что-ж ты знаешь?

Гармонист хотел что-то ответить, но в разговор вмешался одноглазый осодмилец. Схватив пьяного за руку, он потянул его в сторону со словами:

— Слышь, Пашка! Уймись! Не разоряйся тут. Иди спать лучше. Нечего по пьянке языком ляпать. Спать иди, говорю!

⁵ Осодмил — общество содействия милиции, молодежная организация из городских и сельских активистов.

— Отстань, осодмильская твоя душа, — оттолкнул его пьяный. — Мне спать не требуется. Я выспался.

— Пашка! Призываю к порядку!

— А мне наплевать.

Гармонист тряхнул русым чубом, свисавшим из-под ушастой шапки, и пьяно запел:

— Наплевать на кровать,

На полу будем спать.

Парень с мокрой тряпкой, топтавшийся возле них, произнес голосом, еще более плачущим, чем до этого:

— Кондратий Палыч! Это что же такое делается? Пьяные гармонисты. Болтают всякое.

Поют. Играют. Плюют. Я этого так не оставлю. Чичас в сельсовет пойду. С жалобой.

Он нырнул в кухню и, сейчас же появившись оттуда в картузе и наброшенном на плечи полушубке, поспешно вышел из столовой на улицу.

— Пашка! В последний раз предупреждаю, — возвысил голос одноглазый.

— Наплевать, — упрямо повторил гармонист.

— Не хочешь, значит, по-хорошему? Тогда я участкового милиционера вызову. Он тебе за хулиганство дело пришьет, — и осодмилец ушел, хлопнув дверь. Гармонист обиженно сказал Холмину и Дохватову:

— Вот, граждане с городу, какие у нас власть. Видали? Даже песни играть не позволяют. Эх, жисть...

— Ты бы, Пашка, в сам деле, шел домой, а то зайвится сюда Тюха-Митюха со своей милицейской папкой и протокол на тебя составит, — посоветовал ему один из ужинающих.

— Это верно. Надо иттить, — согласился пьяный, вдруг протрезвев и сообразив, что вызов милиционера не предвещает для него ничего хорошего.

— А что же ты, все-таки, знаешь? — повторил свой вопрос ему Дохватов, но гармонист отмахнулся от него и, в последний раз растянув гармонь, поплелся к двери.

— Гармониста, пока он пьян, нельзя упускать, — шепнул Холмин Дохватову, вставая со стула. — Я за ним пойду. А вы, Василь Петрович, поскорее расплачивайтесь за борщ и догоняйте меня...

4. Тюха-митюха

Сбежав с крыльца Дома крестьянина по скользким от размокшей грязи ступенькам, Холмин поскользнулся на последней из них и споткнулся обо что-то мягкое. Нагнувшись, он пощупал то, что преграждало ему дорогу и его пальцы ощутили мокрую человеческую одежду. В этот момент в дверях столовой показался Дохватов с электрическим фонарем в руке.

— Посветите сюда, Василь Петрович, — крикнул Холмин. — Здесь человек лежит.

— Какой человек? — спросил Дохватов, спускаясь по ступенькам.

— Кажется, пьяный гармонист, — предположил Холмин.

Луч света скользнул по фигуре человека, лежащего вниз лицом, и по валяющейся рядом с ним гармонии.

— Да. Это, конечно, гармонист, — уверенно сказал репортер. — Только... только теперь он уже не пьяный. Смотрите, Василь Петрович.

В спине лежащего, между лопатками, — ближе к левой из них, — торчала черная рукоятка финского ножа. Еще не застывшая кровь образовала вокруг нее все более расширявшееся пятно. Дохватов начал привычно осматривать труп, сопровождая это профессиональными комментариями:

— Удар нанесен неожиданно и опытной рукой. Нож через спину проник прямо в сердце.

Зарезанный, пожалуй, и не пикнул. Быстро его прикончили. Хотел бы я знать — кто?

— Я тоже, — заметил Холмин.

— Это, положим, не трудно, — сказал агент.

— Как? — спросил репортер.

— Вызвать по телефону из Угрозыска кого-нибудь с собакой-ищейкой, сделать отпечатки пальцев наиболее подозрительных лиц в Дубовском и затем...

— Затем спугнуть преступника или преступников вместе с бродячими мертвецами? — перебил его Холмин. — Нет, Василь Петрович. Так вы все дело испортите. Не надо торопиться и раскрывать свое инкогнито. Убийца или убийцы гармониста от нас не уйдут, не должны уйти. Он или они, несомненно, имеют какое-то отношение к бродячим мертвецам.

— Откуда тебе это известно?

— Да ведь Пашка-гармонист был убит сразу после того, как проболтался о своем намерении сделать в обком партии донос на бродячих мертвецов.

— Ясно-понятно. Ты прав, — согласился агент. — Спешить не будем. Но смотри — под твою ответственность... Эх, жалость какая, на пороге тайны были и... сорвалось. А теперь, что же? Надо народ созывать. Не валяться же этому несчастному гармонисту в грязи...

Через несколько минут улица перед Домом крестьянина заполнилась шумной толпой.

Люди теснились к трупу, расспрашивали друг друга о происшедшем, охали и ахали; несколько женщин плакало. Сквозь толпу, к месту происшествия, не без труда продралась одноглазый осодмилец Кондратий и некто в милицейской шинели. Взглянув на последнего, Холмин сразу понял, почему в Доме крестьянина кто-то назвал его Тюхой-Митюхой. Шинель на милиционере сидела мешком, горбатясь возле затылка, облезшая во многих местах шапка с мятым козырьком сдвинулась на бок, рыжие сапоги смотрели носками внутрь, кобура нагана на тонком ремешке болталась не сбоку, а сзади, пониже спины. Выражение физиономии этого сельского «блюстителя порядка» было растерянносонное, такое, будто он, когда-то давно растерявшись, до сих пор не может опомниться, а выспаться ему никак не удается.

Продираясь сквозь толпу, милиционер пытался придать своей физиономии начальственное выражение, а своему голосу такой же тон, но это у него не получалось. Физиономия, по обыкновению, оставалась растерянносонной, а голос звучал пискливо и неубедительно:

— Граждане! Почему скопившись? По какому случаю? Кто позволил толпиться?

— Тут гармониста зарезали! Пашку! — крикнули ему из толпы.

— Кто зарезал? — обернулся на голос милиционер.

— А уж это вы должны узнать, — послышался другой голос.

— Мы и узнаем. Без ваших указаний. Не толпись, граждане! Разойдись по домам!

— Тоже власть! Насобачились народ разгонять. Лучше-б ловили бандитов. До их у вас, небось, руки коротки. Тюхи-Митюхи!

Услышав обидное прозвище, милиционер пришел в ярость и заорал:

— Давай разойдись, граждане! Протокол составлю! Штрафы накладывать буду!

Угроза штрафов подействовала. Толпа стала редеть. Отделившийся было от милиционера одноглазый Кондратий, сновавший в толпе, переговариваясь о чем-то с несколькими парнями комсомольского возраста и активистской внешности, поспешно подошел к нему.

— Товарищ участковый! Имею важную информацию.

— Об чем?

Осодмилец, наклонившись к уху милиционера, взволнованно что-то ему зашептал.

Выслушав своего помощника, милиционер с радостью и одобрением хлопнул его по плечу.

— Это ты правильно, товарищ Кондратий. Молодец. Умеешь работать.

Затем произошло то, чего ни Холмин, ни Дохватов никак не ожидали. Бесцветные рыбы глаза «блюстителя порядка» и его указательный палец поочередно уперлись в них; эти взгляды и жесты сопровождались приказанием:

— Вы, гражданин, и вы тоже. А ну, давайте пройдемся со мной.

— Куда это? — удивился Дохватов.

— В сельсовет. На предмет разбора дела.

— Какого дела? — спросил Холмин, удивленный не меньше агента.

— Имеем на вас подозрение, — сказал Кондратий.

— В чем?

— В убийстве данного мертвого гармониста, — объяснил милиционер, кивком головы указав на труп.

Толпа, еще не совсем разошедшаяся, ахнула.

— Да ведь мы же, — начал было Дохватов, но не закончил фразы, остановленный умоляющим восклицанием Холмина:

— Василь Петрович! Не раскрывай!

Агент и репортер, переглянувшись, расхохотались. Милиционер сердито оборвал их смех:

— Плакать нужно, граждане. Поскольку вы на подозрении. Пошли без сопротивленцев.

Взять их, ребята.

Приятеля одноглазого Кондратия, — по-видимому, как и он, осдомильцы, — схватили репортера и агента за руки и повели. Милиционер, горделиво шедший впереди с наганом в руке, на секунду остановившись, крикнул толпе:

— Которые тут гармонистовы соседи? Сбегайте до его родителей. Пускай они Пашку отсюда заберут...

Холмина и Дохватава привели в сельсовет, помещавшийся в одном из немногих в селе домов под железной крышей. Раньше он принадлежал сельскому лавочнику и был построен добротнo и заботливо, но теперь в нем царили мерзость и запустение, ярко выраженные пыльными, облупившимися стенами, паутиной в углах, выбитыми стеклами в окнах и махорочными окурками, хрустевшими на полу под ногами. Даже портрет «отца народов», висевший над столом, за который уселся милиционер, был густо засижен мухами и покрыт толстым слоем пыли и клочьями паутины. Уборка в доме, вероятно, не производилась с тех пор, как из него изгнали лавочника.

Развалившись на стуле и не выпуская из руки нагана, милиционер приказал осодмильцам:

— Обыскать арестованных!

Осодмильцы не без удовольствия выполнили этот приказ. Найденное ими у Дохватава оружие вызвало удовлетворение и торжествующие восклицания их начальника:

— Ага! Попались бандиты? Ну, теперь я заставлю вас признаться.

Стараясь свирепо тарашить на Холмина свои рыбы глаза, что при растеряннo-сонливой физиономии ему плохо удавалось, он спросил:

— А твоя машинка где?

— У меня револьвера нет, — ответил репортер.

— Пером⁶, значит, работаешь?

— Бывает, что и пером. По-репортерски, — и Холмин улыбнулся при этой двусмысленности вопроса и ответа.

— Хватить мне тут шарики крутить. Давайте будем признаваться, — потребовал милиционер.

— Нам признаваться не в чем, — угрюмо пробурчал Дохватов.

Милиционер стукнул по столу рукояткой зажатого в кулаке нагана.

— Как не в чем? Почему вы зарезали гармониста? По какой причине? Отвечайте, бандиты! Или я выбью из вас показания.

⁶ Пером на воровском жаргоне называется нож.

Репортер и агент переглянулись с тяжелыми продолжительными вздохами.

— Придется, Шура, наше инкогнито раскрыть, — сказал Дохватов.

— Да, пожалуй, — утвердительно кивнул головою Холмин и обратился к милиционеру:

— Хорошо. Мы будем давать показания, но только вам одному. А этих своих архаровцев вы отсюда уберите.

По растеряннo-сонливой физиономии поползло нечто похожее на напряженное усилие мысли: милиционер пытался размышлять. Подумав с полминуты, он спросил, подозрительно глядя на репортера:

— Почему не хотите давать показания при свидетелях?

— Ну, уж это наше дело, — ответил Холмин.

— Показания при свидетелях будем давать на суде, — добавил Дохватов.

Милиционер подумал еще, повертел в руках наган и сказал осодмильцам:

— Вы, ребята, побудьте там в коридоре. А я пока сам этих бандитов допрошу. Поскольку они согласны признаваться.

Осодмильцы вышли. Милиционер достал из ящика стола лист бумаги и, низко склонившись над ним, так как электрическая лампочка под потолком, сквозь слой пыли на ней, светила довольно тускло, приготовился писать, переложив наган в левую руку.

— Начнем с тебя, — ткнул он пером в сторону Дохватова. — Сперва анкету. Как имь-фамилья?

— Дохватов, Василий Петрович.

— Год рождения?

— 1890.

— Место работы?

— Областной Уголовный розыск.

Ручка с пером выпала из руки милиционера и он шепотом квакнул:

— Ка-ак?

— Та-ак, — в тон ему ответил агент и вынул из потайного кармана брюк миниатюрную красную книжечку.

— Вот мое удостоверение. Хочешь почитать?

Милиционер взял книжку и развернул ее. Первые же строчки, прочтенные им в ней, произвели на него потрясающее впечатление. Сонливость мгновенно слетела с его физиономии и на ней осталась только растерянность, постепенно переходящая во все больший испуг.

— Товарищ начальник, — вскочив из-за стола, почтительным шепотом заговорил он, возвращая книжку агенту и дрожащими, непослушными руками пряча в кобуру свой наган, — что-ж вы мне раньше ничего не сказали? Я вас тут обзывал по-всякому.

Извиняюсь, товарищ начальник. И получите обратно ваши машинки.

Он торопливо выхватил из бокового ящика стола отобранные при обыске револьверы агента и, с неуклюжим поклоном, вручил их ему.

— Теперь вот что, — сказал Дохватов, пряча револьверы в карманы, — кто сейчас есть в сельсовете?

— Окромя осодмильцев, никого, — ответил милиционер, стоя перед ним навытяжку.

— Где председатель и секретарь?

— Уехали в райисполком на совещание.

— А сторож?

— Заступает на дежурство позднее.

— Когда?

— Часа через два.

— Тогда вот что. Отправь своих осодмильцев куда-нибудь подальше, чтобы мы могли спокойно поговорить.

— Слушаюсь.

Милиционер подбежал к двери и, открыв ее, крикнул в коридор:

— Ребята! Расходись по домам! Я тут сам справлюсь.

Из коридора послышался топот ног: осодмильцы ушли. Дохватов сел за стол, Холмин устроился на продавленном диване у стены, а милиционер продолжал стоять навтыжку.

— Итак, товарищ участковый, — начал Дохватов, — рассказывай, что тут у тебя, в Дубовском хорошего и что плохого.

— Да все в порядке, товарищ начальник, — ответил милиционер.

— В порядке, — прездразнил его агент. — Скажи лучше: в полном беспорядке. Даже арестованных обыскивать, как следует, не умеете. Почему не нашли у меня удостоверение?

— Так оно-ж у вас было в потайном кармане.

— По-твоему, значит, потайные карманы обыску не подлежат? А почему в спине зарезанного гармониста оставили вещественное доказательство?

— Какое доказательство?

— Нож.

— Так его можно принести.

— Поздно. Его рукоятку все Дубовское успело пальцами захватать. Надо было, с помощью чистого платка, осторожно вынуть нож из раны, запечатать в конверт и отправить в районный Уголовный розыск для исследования. Чистый-то носовой платок у тебя есть?

— Найдется, товарищ начальник. А не найдется, так можно и выстирать.

Дохватов со смехом откинулся на спинку стула.

— Шура! Ты только полюбуйся на этого непревзойденного дубовского криминалиста. Когда ему потребуется носовой платок, он начнет его стирать. Нет, не даром дубовичане тебя, участковый, Тюхой-Митюхой прозвали.

Милиционер обиженно покраснел.

— Товарищ начальник! Сколько разов я им говорил, что звать меня Митрий Лукич. Не понимают. Несознательный алимент. Штрафы накладал, как власть на местах, в сельсоветский подвал сажал, а им — хоть бы хны.

— Не умеешь свой авторитет поддержать, — заметил агент.

— Как его поддержишь, когда я тут один и человек новый. Ни откудава никакой поддержки не имею. Работники ГПУ, приезжающие с району, меня даже не информируют. Ихние сексоты — тоже, — продолжал жаловаться милиционер. — А я по низовой работе не подкован. В городе постовым был. Движение регулировал. А тут, какое же движение? Вовсе никакого, особенно в такую осень, как нынешняя. Дождь, грязюка, лошади на улицах тонут. Опять же ни парторганизации, ни комсомола у нас нету. Только осодмильцев удалось сорганизовать. Лекции им делаю.

Холмин улыбнулся.

— Представляю, что это за лекции.

— Очень даже неплохие, — поспешил заверить его милиционер. — Слушающим нравятся. Поскольку лекции с анекдотами.

— С антисоветскими? — подмигнул ему Дохватов.

Милиционер, конфузливо опустив глаза, возразил, но не очень уверенно:

— Что вы, товарищ начальник? Рази-ж можно? Анекдоты вообще.

Холмин, которому надоели препирательства Дохватова с Тюхой-Митюхой и жалобы последнего, вмешался в разговор:

— Василь Петрович! Может быть мы приступим к делу?

— Давно пора, — поспешил согласиться агент, так как и ему успело надоесть нытье Тюхи-Митюхи. Указав кивком головы на Холмина, он строго сказал милиционеру:

— Это наш лучший специалист по уголовным делам. На его вопросы отвечай точно и правдиво. И помни: он видит и знает все, о чем ты думаешь и даже то, о чем не думаешь. Рыбьи глаза милиционера воззрились на репортера почти со священным ужасом.

— Да вы садитесь. Так нам легче будет разговаривать, — мягко сказал Холмин, указывая на стул, стоявший сбоку у стола.

Милиционер с подчеркнутой осторожностью, как на гвозди, опустил на кончик стула.

— Скажите, — начал допрос Холмин, — что вы знаете о, так называемых, бродячих мертвецах?

Тюха-Митюха вздрогнул, поежился и развел руками.

— Что-ж про них знать возможно? Ничего. Тут и про живых мало знаешь.

— Вы их не видели?

— Кого это?

— Бродячих мертвецов.

— Упаси Бог... Извиняюсь.

— Но слышали о них?

— Слышал. Болтают бабы.

— Что болтают?

— Будто по ночам на кладбище мертвецы людям показываются и разговаривают с ними.

И будто через это две бабы с перепугу померли, а трое мужчин с ума спятило.

— Это мы знаем. А не говорили вам бабы, что мертвецы показываются в ночь новолуния?

— Говорили.

Холмин бросил быстрый взгляд на Дохватова.

— Заметьте, Василь Петрович. Разговоры в селе сходятся с тем, что мы слышали в лечебнице. Это любопытно.

Агент, внимательно слушавший милиционера, утвердительно кивнул головой.

— Да-да. Допрашивай дальше.

— В каком же месте кладбища, — продолжал Холмин, — показываются мертвецы?

— А вы с вокзала через кладбище ехали? — спросил милиционер.

— Да, конечно.

— Может, заметили шагах в ста от ворот, что со стороны вокзала, густые кусты терновника над старыми могилами?

— Заметили, — не совсем уверенно ответил Холмин; воспоминание о кладбищенских кустах у него было смутное и туманное, так как особенного внимания на них он не обратил.

— Так вот с тех кустов мертвецы, вроде, и показывались, когда люди шли к вечернему поезду или обратно. А дорога через кладбище короче, чем в обход и посуше, — объяснил милиционер.

— Ваши осодмилыцы вам о мертвецах что-нибудь доносили? — задал Холмин вопрос.

Тюха-Митюха виновато вздохнул.

— Ничего, товарищ начальник.

— А среди осодмилыцев есть сексоты ГПУ?

— Этого я не знаю. Не спрашивал. Да и как про такое спросишь?

— Что представляет собою этот ваш одноглазый Кондратий?

— Парень хороший. Надежный. К тому же, из социально-близкого алименты.

— Почему из социально-близкого?

— Бывший вор-рецидивист.

Холмин вздохнул не боз горечи. Он был противником привлечения уголовников к сыску. Дохватов, бывший сторонником противоположной точки зрения, взглянув на него, неодобрительно поморщился и коротко бросил:

— Продолжим допрос!

Холмин, видя, что от его вопросов, Тюху-Митюху уже бросило в пот, успокоительно сказал ему:

— Потерпите немного. Еще несколько минут, и мы закончим.

— Я и больше могу, товарищ начальник, — заявил с поспешной, но явно фальшивой готовностью милиционер.

— Скажите, многие ли в селе верят, что на кладбище показываются действительно мертвецы?

Правая рука Тюхи-Митюхи полезла в затылок.

— В точности я это не знаю.

— Ты, участковый, видать, многого тут не знаешь, — язвительно заметил Дохватов.

— Староверы эти самые... религиозники, которые, — заторопился милиционер, — конечно, верят. А прочие... кто их знает. Я в это самое не углублялся. Поскольку по религиозным вопросам не подкован.

— Ты и по другим вопросам подкован мало, — еще язвительнее заметил агент.

— Так я же тут один, товарищ начальник, — взмолился Тюха-Митюха, — и ловить покойников не обучен. Шутка-ли дело? Встают из могил, разговаривают, людей до смерти пугают...

— И грабят? — спросил Холмин.

— Насчет грабежей незаметно, — ответил милиционер. — Да и что у дубовичан грабить? Они и так ограбленные...

— Не будем заниматься антисоветской агитацией, — оборвал его Дохватов, подмигнув репортеру.

— Товарищ начальник! Какая-ж антисоветская агитация? — испуганно воскликнул милиционер. — Наоборот, я окружающее население агитирую за советскую власть. Только мало действует. Потому — несознательный алимент. Религиозное засилье. При нынешнем-то старце еще ничего, а вот, когда прежний был...

— Постойте, — перебил его репортер. Как прежний?

— А так. Прежний-то старец-начетчик у нас померши, и на его место староверы выписали нового, откуда-то из Сибири.

— Давно?

— Да уже месяца два тому.

— Имя, отчество и фамилию этого старца-начетчика вы знаете?

— А как же? Федор Матвееч Глуховских, Только в селе его зовут не по имь-отчеству, а отцом.

— Хорошо, — сказал Холмин, подумав, — вопросов у меня больше нет. Может-быть, у вас есть, Василь Петрович?

Агент безнадежно махнул рукой.

— Нету. Ясно-понятно, что из этого Тюхи-Митюхи ничего путного больше не выжмешь.

— Тогда нам втроем надо решить, что делать дальше?

— Что ты предлагаешь? — спросил Дохватов Холмина.

— Я предлагаю следующее: расследование этого мертвецкого дела возложить на меня и вот на товарища... Дмитрий Лукич, кажется?

— Точно, товарищ начальник! — приподнялся на кончике стула милиционер.

— А я что же буду делать? — спросил агент.

— Вам, Василь Петрович, придется немного отдохнуть под арестом, — ответил репертер.

— Что?! — заорал Дохватов.

— Не волнуйтесь, Василь Петрович, — остановил его Холмин. — Это необходимо для пользы дела. Ведь нам надо найти какой-то выход из положения, создавшегося в результате нашего ареста. Если Дмитрий Лукич выпустить нас обоих, то это вызовет подозрение у тех, у кого мне не хотелось бы его вызывать. Если же он «освободит» меня одного и, через своих осодмильцев, распустит слух о том, что только вы подозреваетесь и обвиняетесь в убийстве, то это будет несколько приемлемей. Могу, конечно, отсидеть под арестом и я. Но дело в том, что у меня уже есть некоторые соображения об интересующих нас... мертвецах.

Дохватов подумал, поморщился и... согласился:

— Ладно. Согласен сидеть. Но только тут, а не в подвале. И чтоб печка была. Холодина тут собачий. Слышишь, участковый? Будет печка?

— Будет, будет, товарищ начальник, — заверил его Тюха-Митюха.
— Кстати, товарищами начальниками нас не называйте. Я для вас и для других уполномоченный по заготовкам пуха и пера. Моя фамилия — Холмин. А это тоже уполномоченный, но теперь ваш подследственный — гражданин Дохватов. Ни одна живая душа не должна знать, кто мы в действительности и откуда.
— А если ты, тюхина-митюхина твоя душа, кому-нибудь проболтаешься, — угрожающе сказал агент, — то ни один бродячий мертвец тебе не позавидует. Помни, что я власть на местах покрупнее тебя. И я прикажу тебя, — он наморщил лоб, соображая, как бы посильнее припугнуть милиционера, — прикажу... повесить. Но не за шею. Ясно-понятно?
Милиционер, от ужаса подскочив на стуле, громко икнул. Холмин, смеясь, выступил в защиту перепуганного Тюхи-Митюхи:
— Не пугайте вы участкового. Он и без того напуган достаточно.
И, обращаясь к милиционеру, сказал:
— Мне бы, Дмитрий Лукич, хотелось, не теряя времени, сегодня же познакомиться со здешним старцем-начетчиком. Возможно, что он нам поможет. Вы знаете, где он живет? Сможете мне показать?
Тюха-Митюха засуетился, обрадованный тем, что хотя бы временно избавится от придирчивого и так напугавшего его агента областного Уголовного розыска.
— Как же, как же, знаю. Тут недалеко. Через две улицы на третьей. Сейчас можем и пойтить, товарищ нач... извиняюсь, товарищ Холмин.

5. Старец

— Часто у вас в селе так бывает? — спросил Холмин участкового милиционера, шлепая вслед за ним по лужам и набирая воду в башмаки.
— Как? — не понял тот.
— Да вот, как сейчас. Дождь, темень, слякоть и непроходимое болото по улицам. Милиционер охотно пустился в объяснения:
— Об эту пору завсегда так. Потому осень, дождик, грязюка. Летом, конечно, посуше. На дорогах пыльюка по колено и выше, в селе от нее серость на все сто процентов. Даже флаг над сельсоветом, и тот серый. Областные товарищи смеялись: «Вас, — говорят, — надо в тюрьмы пересажать за искривление линии партии посредством серости красного знамени». Опять же потьмах в селе полный. Надо бы лампочки Ильича по улицам пустить, чтоб гражданин видал, куда ему ногу ставить, но сплошная электрофикация до нас пока еще не дошла. Лампочки имеются токо в сельсовете, в правлении колхоза, ну и у меня тоже. А больше нету.
— Фонарь какой-нибудь надо было с собою захватить, — сердито сказал репортер, обозленный неприятным путешествием по лужам.
Тюха-Митюха поторопился успокоить его, опасаясь начальственного гнева:
— Да я вас, товарищ нач... извиняюсь, товарищ Холмин, в момент приведу и без фонаря. В обход, где посуше. А то, ежели напрямки, то вовсе утопнешь. Обувка-то у вас для нашей уличной непроходимости неподходящая. В ботиночках тут не ходют. Юхтовые сапоги выше колен иметь надобно. Как у меня.
— Далеко еще до дома, где живет старец? — прервал Холмин словоохотливого милиционера, болтовня которого порядком ему надоела.
— Совсем близко. Рукой подать, — ответил Тюха-Митюха. — Вон ту хату на углу видите? Под соломенной крышей.
Этот неожиданный вопрос вызвал у репортера невольный смех.

— Я не кошка, В такую ночь не только соломенную крышу, но и собственный нос не разглядишь.

— Без привычки разглядеть, конечно, трудно, — согласился с ним милиционер. По первах и я тут зрением страдал. Напало на меня что-то, вроде курячей слепоты. А после привык. Теперь по-кошачьему ночью вижу.

В этот момент впереди, метрах в пятидесяти от них, блеснул свет и во мгле ночи четко обозначился мутно-желтый квадрат открывшейся двери.

— Вон то и есть старцев дом. От него кто-то вышел. Видите? — указал на свет милиционер.

— Теперь вижу, — сказал Холмин.

Появившаяся в светящемся квадрате человеческая фигура, на секунду задержавшись в нем, скользнула вправо, во мглу ночи. Всмотревшись в нее, милиционер воскликнул удивленным полупшепотом:

— Чего это у него ему потребовалось?!

— Кому? — спросил репортер.

— Да Кондратию.

— Разве это он?

— А то, кто же?

— Вы не ошиблись?

— Ну, вот еще. Я кондратиеву личность за полверсты установлю. А это темное дело с ним моментально выясню, — решительно сказал милиционер и направился в сторону скрывшейся фигуры. Холмин, не обращая внимания на лужи, поспешно прыгнул за ним и ухватил его за рукав.

— Погодите. Выяснить будем потом.

Тюха-Митюха остановился.

— Слушаюсь. Потом, так потом. Но зачем он к старцу ходил? Этого я недопонимаю.

— Может быть, ваш Кондратии из староверов? — предположил Холмин.

— Какое. Член союза безбожников. С верующими скоко разов лялся, — возразил милиционер.

В квадрате двери вырос силуэт второй человеческой фигуры. Она была ниже, но шире, чем первая.

— А это кто? — спросил репортер.

— По обличью видать, что сам старец — ответил Тюха-Митюха.

— Семья у него есть?

— Нету. Он бессемейный...

Постояв на пороге несколько секунд, человеческий силуэт отодвинулся вглубь комнаты. Дверь закрылась и все вокруг нее на улице снова окутал ночной мрак.

— Мы так сделаем, Дмитрий Лукич, — обратился Холмин к милиционеру после короткого раздумья, — теперь дорога к старцу мне известна. Я отправлюсь к нему, а вы...

— Разве я не с вами? — перебил его вопросом Тюха-Митюха.

— Нет. Вы подождете меня здесь, где-нибудь в подворотне. Я хочу поговорить со старцем наедине. Часы у вас есть?

— А как же. Часишки у меня мировые. Мозеровские. От одного ликвидированного кулака достались, — похвастался милиционер.

— А вам хозяина часов не жаль? — спросил Холмин.

— Чего же кулака-то жалеть? — удивился Тюха-Митюха.

— Человек все-таки.

— На всех раскулаченных жалости не хватит.

— Пожалуй, верно. Так вот, Дмитрий Лукич, если я через полчаса не вернусь, бегите к Дохватову и, вместе с ним, сделайте у старца обыск.

— Опасаетесь покушения, товарищ нач... извиняюсь, товарищ Холмин?

— Не покушения, но... всяко бывает.

— Староверы у нас мирные. Они ни на кого не покусятся.

— Посмотрим...

Расставшись с участковым милиционером, репортер кое-как, через лужи, добрался до крыльца дома старца, взошел по четырем покосившимся деревянным ступенькам и постучал в дверь. За нею послышались быстрые шаркающие шаги и раздался вопрос, заданный густым рокочущим басом:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста. Человек из города. По делу, — ответил на вопрос Холмин. За дверью загремел железный засов и она открылась.

— Входите. Даст Бог, гостем будете, — произнес встретивший Холмина человек, пропуская его в сени и стараясь ласковыми словами и приветливой интонацией смягчить свой грубый бас.

От стука железного засова закрывшейся двери Холмин ощутил на мгновение неприятное чувство попавшего в ловушку, но хозяин дома так приветливо поклонился ему и так ласково заговорил с ним, что чувство это улеглось.

— Сюда пройдите. В мою клетушку-комнатушку, — сказал хозяин, открывая дверь, ведущую вглубь дома. — Тут у меня тепленько, печечка топится, вы, видать, озябли. И обогреетесь, и побеседовать сможем.

Холмин вошел и огляделся. Перед ним было то, что можно увидеть в любой крестьянской хате Северного Кавказа: глинобитные, беленые известкой стены, глиняный пол, два узких окошка на улицу, стол, грубо сколоченный из потемневших от времени досок и такой же топчан вместо кровати, с соломенным матрасом на нем, да две длинные деревянные лавки: одна у стола, другая вдоль стены. В одном из углов висело несколько икон, с горящей перед ними лампадой, другой занимала двухъярусная полка со старинными, — если судить по их корешкам, — книгами.

По размерам маленькая и тесная комната действительно походила на клетушку; в таких крестьянских хатах живут обычно одинокие бобыли. Холмина, однако, удивило здесь то, что в подобных жилищах одиноких людей встречается довольно редко: почти образцовая чистота. Заметив и поняв его удивленный взгляд, хозяин сказал:

— Чистенько тут у меня. Это наши сестры, мои дочери духовные, стараются. Помогают мне клетушку эту в порядке содержать. Ну и питают меня по бедности моей. Взаимно у нас. Я им — пищу духовную, а они мне, как бы, мирскую, — и он хохотнул басисто, но приятно.

Назвать его старцем можно было лишь с очень большой натяжкой. Перед Холминым стоял человек не старше сорока пяти лет, приземистый, широкоплечий, но стройный. По его полному, румяному лицу, с небольшими усами и русой, кудреватой бородкой, разливалась ласково-медовая улыбка; ласковость была и в серых с прищуром глазах — они не просто смотрели на человека, а как бы осторожно трогали, мягко ощупывали и поглаживали его. Одет был староверческий начетчик чисто и не по-древенски богато в белую шелковую рубаху, бархатную жилетку поверх нее, штаны тонкого сукна и добротные хромовые сапоги. С его чистой и ласковой внешностью как-то не вязались только руки, — красные, волосатые, с широкими ладонями и толстыми узловатыми пальцами — да голос, слишком густой и басистый.

«Тебе бы лирическим тенором петь, — подумал Холмин, слушая старца. — А говор у тебя никак не сибирский. Скорее, пожалуй, ярославский»

— Что же нам стоять так? В ногах правды нет. Сядем рядком да потолкуем ладком, — говорил, между тем, хозяин, указывая гостю на лавку у стола.

Холмин сел. Старец уселся с ним рядом.

— С чем ко мне пожаловали?

— Дело у меня к вам, — начал Холмин. — Но, прежде всего, как мне называть вас?

Имени и отчества ваших я не знаю.

По мнению Холмина, показать, что он это знает, было неосмотрительно.

Старец ласково погладил его глазами.

— Звать меня Федором, а по батюшке Матвейчем. Но тутошние верующие отцом зовут. Вы сами из каких будете? Нашей веры или никонианской? А, может из обновленцев?

— Затрудняюсь ответить на такой вопрос, — сказал Холмин. — Ни к какому церковному течению я, собственно, не принадлежу.

— А в Бога веруете?

— Верую.

— Ну, Господь простит.

— Простит? Что? — не без удивления спросил репортер.

Старец вздохнул.

— Всякий верующий считает правильной только свою веру. Так и мы, грешные... Но в чем состоит ваше дело ко мне?

— Дело, видите ли, вот в чем. Приехал я сегодня утром сюда из города вместе с товарищем. Мы заготавливаем перо и пух. И случилась с нами здесь большая неприятность. Мой товарищ убил сельского гармониста Пашку.

По улыбающемуся лицу старца скользнула тень удивления и с его губ невольно сорвалось;

— Не мог он убить...

— Почему вы так думаете? — быстро спросил Холмин.

— Потому, — старец запнулся и закончил фразу вопросом:

— Зачем городскому человеку убивать сельского парня?

Репортер пожал плечами.

— Не знаю.

— Но вы говорите, что ваш товарищ... убил. Вы видели это?

— Нет. Дело было так. Я и мой товарищ вышли вместе из столовой Дома колхозника и возле его крыльца обнаружили труп зарезанного гармониста.

— Но вы утверждаете, что убил ваш товарищ.

«Да он, кажется, пытается меня допрашивать», — подумал Холмин и сказал:

— Это не я утверждаю, а участковый милиционер, который нас арестовал. После допроса он меня выпустил, а мой товарищ им задержан.

На лице старца явственно проступило чувство облегчения и он снова заулыбался.

— Теперь я понимаю. Неприятность у вас большая, но не падайте духом. Власти во всем разберутся. Господу Богу молитесь.

— Федор Матвеевич! Как же духом не падать? — жалобным тоном заговорил Холмин. — Власти могут разбираться и месяц и два, а дело у нас будет стоять. Меня мое начальство за это по головке не погладит. Нас специально прикрепили к этому селу по заготовкам пуха и пера, а здесь такое творится...

— Что творится?

— Какие-то бродячие мертвецы людей до смерти пугают. Разве вы не слышали об этом?

— Слышал. Болтают люди.

— Очень много болтают, Федор Матвеевич. Вот, например...

И, глядя ему прямо в глаза, Холмин произнес слова, услышанные им и Дохватовым в доме сумасшедших:

— «Молодой месяц взойдет на небе. И встанут из гробов мертвецы. И скажут: „Идите!“ А кто не пойдет — да будет проклят. И помрет лютой смертью. И сгорит в геене огненной».

Старец вскочил с лавки и в волнении зашагал по комнате. Холмин с жадным интересом наблюдал за ним. Старец вдруг резко остановился и, повернувшись к нему, спросил в упор:

— Откуда вы это знаете?

— От людей, — спокойно ответил репортер.

— Какие люди вам это говорили? Где? Тут? в нашем селе?

— Да. В Доме колхозника.

— Не слушайте болтунов, — сердито бросил старец.
Его лицо, за несколько минут до этого приветливое и улыбавшееся, теперь было нахмуренным, озабоченным и злым. Он снова заходил по комнате, опустив голову и о чем-то раздумывая.

— Кто мог придумать такую бессмыслицу? — спросил Холмин.

Старец не понял его вопроса.

— Какую?

— О молодом месяце и мертвецах.

Не оборачиваясь к нему, старец объяснил неохотно и скупо:

— Это не бессмыслица, а старинное пророчество. Его произнес протопоп Аввакум, но когда и по какому поводу — нам неизвестно, До нас это не дошло, затерялось в веках.

— Вот как? Интересно, — заметил репортер.

Походив по комнате, старец сел на лавку у стены. По его лицу, опять расплывшемуся в медовой улыбке, было видно, что он обдумал и принял какое-то решение. Погладив Холмина ласковым взглядом, он сказал:

— Дело ваше, молодой человек, вы мне объяснили. Но что же вы от меня хотите?

— Я надеялся и надеюсь, что вы сможете мне помочь, — ответил Холмин.

— Помочь? Как и чем?

— После этого несчастного случая с гармонистом дубовичане на меня будут смотреть, как на чорта. В результате мои заготовки пуха и пера могут сорваться. А это задание — государственное. У вас в селе много староверов. Вот если бы вы им... посоветовали...

— Что?

— Сдавать мне пух и перо. Ведь вы не против того, чтобы помочь советской власти?

— Несть власти, аще не от Бога. Так сказано в Священном Писании, — наставительно прогудел старец.

— Следовательно и советская власть от Бога? — спросил репортер.

— От Бога.

— А колхоз?

— От Бога.

— Вот и отлично. Значит, вы мне поможете?

Старец пересел на лавку к Холмину, легонько хлопнул его по колену своей волосатой толстопалой рукой и, поглаживая глазами, пообещал мягко и ласково:

— Помогу. Вам нужно помочь. Тем более, что вы неопытный заготовитель. Скажите мне, сколько вам требуется пера и пуха, адрес вашей заготовительной конторы и вашу фамилию.

Двусмысленный намек старца и его неожиданные вопросы застали Холмина врасплох. Адреса областной конторы «Заготпухперо» он не знал; в его фальшивом служебном удостоверении этот адрес не был указан. Репортер мысленно выругал себя за оплошность: «Дурак! Нужно знать точно место службы того, под чьим видом действуешь. И в запасе подходящие фамилии иметь».

Надо было выпутываться из создавшегося щекотливого положения и Холмин попробовал выпутаться. Он назвал первый, пришедший в голову, адрес и вымышленную фамилию, похожую на его настоящую:

— Наша контора помещается на Советском проспекте № 76. Фамилия моя — Колбин. На первое время нам было бы достаточно полцентнера перьев и килограмм десять пуха.

— Хорошо. Вы это получите. Мои люди, дня через три-четыре, привезут пух и перья к вам в контору. Деньги можете уплатить им. А вам мой совет: завтра же уезжайте из Дубовского. Тут вам делать нечего, — произнес старец строго, с повелительными нотками в голосе.

Холмин сделал удивленное лицо.

— Как завтра? Ведь командировка сюда у меня на целую неделю.

— А вы доложите своему начальству, что за сутки управились. Оно вас похвалит и, может быть, даже премию выдаст.

— Но должен же я, хотя бы, познакомиться как следует, с местом моей командировочной работы.

— Вот завтра до вечера и познакомитесь. А с вечерним поездом уезжайте. К вокзалу, через кладбище, итти не бойтесь. Вас не тронут никакие... мертвецы.

Репортер подумал и сказал:

— Пожалуй, Федор Матвеевич, вы правы. Я так и сделаю.

Старец слегка подмигнул ему.

— А если вас в городе будут спрашивать о селе Дубовском, то скажите, что у нас тут все в порядке.

Окончание последней фразы резнуло Холмина по слуху — оно было слишком советским и в устах староверческого начетчика прозвучало непристойно, Репортер еле удержался от возгласа удивления. Старец зевнул, прикрыв рот рукой, и сказал:

— А теперь вы, наверно, устали? Где остановились на ночлег?

Холмин развел руками.

— Пока еще нигде.

— Если хотите, то можете переночевать в семье Карповых. Они живут в четвертой хате по этой же улице, с правой стороны от меня. Веры не нашей, но люди хорошие. Скажете, что я прислал.

— Большое спасибо.

Поняв намек старца на то, что пора уходить, Холмин встал и начал прощаться. Ушел он раздосадованный тем, что староверческий начетчик так быстро и легко «раскусил» его инкогнито. Однако, репортер утешался мыслью, что и ему кое в чем удалось раскусить этого странного молодежавого «старца».

На улице Тюха-Митюха встретил Холмина тихим свистом из подворотни и вопросом:

— Ну, как, товарищ нач... извиняюсь, товарищ Холмин? Все в порядке?

— В порядке, — ответил ему репортер словами староверческого начетчика. — Мне предлагают ночлег у Карповых, живущих приблизительно вон там. Как по-вашему, можно у них переночевать?

— Можно. Хата просторная, теплая.

— Не пристукнут они меня ночью?

— Не должны бы. Люди тихие, смирные, проверенные.

— Тогда я у них и заночую. А вы, Дмитрий Лукич, пожалуйста, предупредите товарища Дохватова, что навещу я его завтра перед вечером.

— Слушаюсь!..

6. Мертвецы встают из гробов

Дождь, поливавший Дубовское всю ночь, к рассвету кончился и небо прояснилось.

Для Холмина эта ночь была довольно беспокойной и почти бессонной. Хотя участковый милиционер и заверил его, что Карповы люди тихие и проверенные, но репортер все же опасался, как бы с ним у них чего-либо не произошло. Однако, не произошло ничего. Муж и жена Карповы оказались гостеприимными, но очень запуганными колхозниками и перед Холминым робели. Утром они угостили его вареной картошкой «в мундирах» и кипятком с солью.

— Вы уж не обессудьте, — сказала при этом жена. — Ничего больше у нас нету.

— На трудодни мы еще не заработали, — с угрюмой грустью добавил муж.

Холмин поспешил заявить, что этот простой завтрак был очень вкусен и ему понравился. Лица Карповых немного повеселели. Он попытался расспросить их о бродячих мертвецах, но на все его вопросы они отвечали испуганно и уклончиво.

— Не знаем. Не видали. Не слышали. Это дело не наше.

Простившись с ними и поблагодарив их за гостеприимство, Холмин пустился в «заготовительный» обход сельских домов. Обитатели их встречали его недружелюбно. В первом же из них худая сердитая женщина, замахав на него руками, закричала:

— Нету и нету! Курей-утей порезали да поели. Пух-перо на подушки пущены. Нету и не будет!

Из второго дома его выгнали, заявив при этом:

— С городскими табашниками да винопийцами мы и знаться не хотим. От них разврат и колхоз.

В третьем доме седобородый старик, выслушав «заготовителя», сказал:

— Перо на мне, мил человек, — сам видишь — не растет. Пуха на телесах я тоже не имею. Может, бороду мою заготовишь?

От бороды Холмин отказался. Старик спросил, иронически усмехаясь:

— Знать советская власть до наших бород покудова не дошла?

— Нет, дедушка. Не дошла, — подтвердил репортер.

— Ну и на том спасибо, — произнес старик со вздохом.

Подобные встречи повторялись и в других домах. Однако, неудачное начало обхода не обескуражило Холмина. Он, в достаточной степени, обладал упорством и профессиональными способностями репортера быть навязчивым собеседником и вступать в разговоры с незнакомыми людьми. Переходя из дола в дом, ему удалось соблазнить некоторых дубовичан обещаниями, вместо уплаты денег за пух и перья, «отovarивать» их керосином, спичками, мылом, гвоздями, иголками, нитками и другими, не менее ценными для советской деревни, вещами. После таких обещаний можно было беседовать не только о пухе и перьях.

Во время своего «заготовительного» обхода, Холмин столкнулся с некоторыми странными обстоятельствами бытия дубовичан. Например, в большинстве они были против колхоза, но, тем не менее, вступали в него, хотя их к этому, как будто, никто не принуждал. В ответ на вопросы репортера о причинах этого, люди или отговаривались незнанием, или же отмалчивались...

* * *

В сельсовет к Дохватову, изнывавшему от скуки и разговоров с участковым милиционером Холмин явился в сумерки. Агент Уголовного розыска встретил его вздохом облегчения и словами:

— Где пропадал, Шура? Я уж было думал, что бродячие мертвецы тебя к себе в могилу утащили.

— Пока еще не пробовали. Может быть, в нынешнюю ночь утащат.

Затем, рассказав вкратце агенту и милиционеру о своих встречах со староверческим начетчиком и дубовичанами, он объявил:

— Сегодня ночью, товарищи, я должен отсюда уезжать.

Удивленный Дохватов засыпал его вопросами:

— Как уезжать? А Дело? Кто его будет расследовать? Я один, что ли? Ты что, сдрейфил? Хочешь мне всех бродячих мертвецов навязать? И думаешь, что это для меня ясно-понятно?

— Успокойтесь, Василь Петрович, — остановил его Холмин. — Вы задаете мне сразу столько вопросов, что половину их, по крайней мере, можно и перезабыть. Сейчас я объясню вам все по порядку.

— Ну-ну, давай, — пробурчал агент.

— Для тех, кем мы сейчас интересуемся и кого дубовичане называют бродячими мертвецами, нужно создать видимость моего отъезда, — сказал репортер. — Вернее видимость подготовки к отъезду. И создать именно сегодня, до отхода вечернего поезда. Тогда, может быть, бродячие мертвецы покажутся нам сегодня же.

— Постой, постой, — перебил его Дохватов. — Насколько я помню, они показываются только в новолуние.

— Возможно, что они сделают для нас исключение из своего правила. Тем более, что ночь для этого кажется, будет подходящей, — указал Холмин за окно.

Агент и милиционер взглянули туда. На вечернем небе собирались густые осенние тучи. Тюха-Митюха вздохнул.

— Опять дождь будет. Надоел проклятый.

— И придется вам, Дмитрий Лукич, под этим дождем мокнуть на кладбище, — заметил репортер.

Физиономия милиционера вытянулась.

— Что, участковый, сдрейфил? — насмешливо спросил агент.

— Не то, чтобы это самое, товарищ нач... извиняюсь, товарищ Дохватов. Только не приходилось еще с мертвецами дело иметь, — ответил Тюха-Митюха, беспокойно заерзав на стуле.

— Это и не понадобится. Они не более мертвы, чем мы с вами, — успокоил его Холмин. Милиционер несколько повеселел.

— В таком разе, я и на кладбище мокнуть: «всегда готов!» По-пионерски, значит.

— У меня такой план, — продолжал репортер. — Вы вдвоем, за два с половиной часа до отхода поезда, отправитесь на кладбище и засядете там в кустах возле ворот со стороны вокзала. Сидеть тихо и смирно, без разговоров и курения. Впрочем, не мне вас учить. Полчаса спустя после вашего ухода я пойду, не торопясь, на вокзал через кладбище. А что будет дальше — посмотрим. Без моего сигнала прошу не стрелять. Если это потребуется, я крикну.

— Думаешь, будет стрельба? — спросил Дохватов.

— Возможно, — ответил Холмин. — Электрический Фонарик у вас, Василь Петрович, в порядке?

— Пока действует. Батарейка новая.

— Да, кстати, — сказал репортер, — я успел сегодня побывать и на кладбище. Никаких тайников мною там не обнаружено.

— Это так, — подтвердил милиционер. — Там тайников нету. Мне все кладбищенские места хорошо знакомые.

— Как, товарищи? — спросил Холмин. — Согласны вы с моим планом?

Милиционер поспешно и подобострастно закивал головой.

— Мировой план.

На лице Дохватова отразилось сомнение.

— Ну, а если этот план сорвется? Если бродячие мертвецы — или кто они там такие — нам не покажутся? Тогда что?

— Тогда придумаем что-нибудь новое, — ответил репортер на вопросы агента. — Но, надеюсь, что план не сорвется, если о нем, кроме нас троих, никто не будет знать. Даже ваши осодмильцы, Дмитрий Лукич.

Дохватов погрозил милиционеру пальцем.

— А если они узнают, то не забывай, участковый, что я тоже власть на местах, Я тебя самого могу превратить в мертвеца, но не бродячего. Ясно-понятно?

Тюха-Митюха испуганно втянул голову в плечи...

* * *

Холмин шел на вокзал, не торопясь, заговаривая с редкими прохожими, встречавшимися на улицах:

— Добрый вечер! Всего хорошего. Счастливо оставаться.

Некоторые останавливались, спрашивали:

— Уезжаете?

Он отвечал с подчеркнутой бодростью:

— Уезжаю. Домой. Надоел мне ваш дождь. Вот на вокзал иду.

— Обождали бы до утра, — советовали ему.

— А чего ждать? — с наигранным удивлением спрашивал он.

— Мало ли чего? Ночь-то темная. Всяко может случиться.

— Ничего. Мне к темным ночам в командировках не привыкать, — хвастливо говорил он. Люди пожимали плечами, укоризненно и сочувственно качали головами и, пожелав ему счастливого пути, торопились удалиться.

Так Холмин «создавал видимость своего отъезда», рассчитывая, что весть об этом, через кого-либо из прохожих дойдет до тех ушей, до которых он хотел, чтобы она дошла.

На полпути к кладбищу он остановился и закурил. Постоял минут пять, разглядывая вечернее небо с нависшими тучами и насвистывая «Яблочко» потом отбросил окурочок и пошел дальше. У кладбищенских ворот выкурил вторую папиросу. Торопиться никак не следовало; бродячим мертвецам надо было дать время для «подготовки».

С неба начал сеять осенний дождь: мелкий, холодный и противный. Холмин поежился, втягивая голову в плечи и пожалел, что у его ватной куртки нет воротника.

Ржавые кладбищенские ворота, по-видимому, давно уже не закрывавшиеся и еле держащиеся на верхних петлях, вделанных в стены, монотонно и жалобно поскрипывали от порывов ветра. Потоптавшись возле ворот еще несколько минут, Холмин решил, что времени прошло достаточно и пошел через кладбище к вокзалу. Было не очень темно, но, от бывшего в лицо и слепящего глаза дождя, приходилось двигаться почти ощупью; то и дело репортер невольно сворачивал с дороги и натыкался на кусты, могильные холмики, поломанные ограды и покосившиеся кресты. Так, не без труда, добрался он до противоположных ворот, в полутора километрах от которых был расположен вокзал полустанка, «Что же делать дальше? Поворачивать обратно?» — подумал репортер, остановившись перед воротами.

Вокруг все было тихо спокойно и жутко. Необъяснимо жутко до такой степени, что если бы Холмин не знал, что где-то рядом, в кустах сидят Дохватов и Тюха-Митюха, он поспешил бы убраться отсюда.

«Бродячие мертвецы наверно передумали и не появятся. Таким образом, наш план, пока что, сорвался. — продолжал думать Холмин. — Что же, все-таки, делать? Вызвать из кустов моих неудачных охотников за мертвецами и отправляться по домам? Или еще подождать?»

Здесь течение мыслей репортера было прервано звуками тихих, медленных шагов, раздававшихся за его спиной. Он быстро обернулся и остолбенел. По кладбищенской дороге, сквозь пелену мелкого дождя, медленно, как бы плывя в воздухе, двигались прямо на него две беловато-серые, расплывчатые фигуры. Одна из них была среднего человеческого роста, другая повыше. В верхней части каждой фигуры светилось пятно неподвижным бледно-желтым светом.

Когда они приблизились на расстояние двух десятков шагов, Холмин разглядел эти пятна. Они представляли собою очертания мертвых человеческих черепов: четыре темных дырки посредине, вместо глаз, носа и рта, а вокруг — слабый, неподвижный свет, окруженный черной каймой.

От этого зрелища Холмин невольно задрожал, хотя и был подготовлен к чему-либо подобному. Лихорадочный озноб, — неприятный, холодный и скользкий, — пополз по всему его телу. Он сделал несколько шагов назад. Фигуры продолжали приближаться. Он отступил еще. Фигуры остановились и от одной из них, — той, что была пониже, — вытянулось вперед что-то длинное, плохо различимое за пеленою дождя, но смутно похожее на руку. По кладбищу разнесся гулкий, знакомый Холмиину голос:

— Идите!. Идите... в колхоз!

Наступила короткая пауза, а затем репортер... расхохотался. Он мог ожидать всего, но только не этого. Мертвецы, вставшие из гроба, в роли колхозных агитаторов! Это было слишком неожиданно и слишком смешно. Приступ смеха, однако, длился у него недолго: каких-нибудь две-три секунды. Смех сменила ярость. Глубоко в груди, возле самого сердца, Холмин болезненно ощутил жгучий, быстро растущий комок злобы на тех, кто так по-шарлатански, с таким бесстыдством и цинизмом используют для советской власти мертвецов и древнее староверческое предсказание, доверчивость дубовичан и их суеверность. И не помня себя от ярости, он закричал:

— Василь Петрович! Стреляй! Участковый — пли!

Инстинктивно пригнувшись, Холмин ждал выстрелов, но их не последовало. В кустах по-прежнему были тишина и безмолвие.

«Неужели Дохватов и милиционер лежат в кустах убитые? Тогда и мне конец», — мелькнула в голове репортера тоскливая мысль.

В это мгновение он с радостью увидел, что одну из фигур — более низкорослую — ему, как будто, удалось напугать своим криком. Она метнулась в сторону, но другая — высокая — испустив не человеческое, а скорее звериное рычание, ринулась на него. Холмин сжал кулаки, приготовившись защищаться, и отчаянно, не надеясь на ответ, крикнул еще раз:

— Да стреляйте же! Скорее!

И сейчас же из его груди вырвался вздох облегчения. В кустах, слева от него, один за другим мелькнули яркие и быстрые огоньки и оттуда загремели выстрелы. Стреляли метко. Фигура, метнувшаяся в сторону, споткнувшись о могильный холм, упала и осталась лежать неподвижно. Рычание другой перешло в однотонный, высокий вопль, закончившийся надрывным стоном, и она растянулась у ног Холмина. Из кустов выскочил человек, два мокрых рукава обняли репортера за шею и тревожный голос Дохватава зашептал ему в ухо:

— Ну, как, Шура? Ты целый? Невредимый?

— Целый, — ответил Холмин. — Что же вы так долго не стреляли?

— Так, Шура. Впечатление потрясающее. Я еле, ясно-понятно, опомнился.

— Засветите-ка фонарь, Василь Петрович. Посмотрим, кто это.

Луч электрического фонаря скользнул по фигуре, лежащей у их ног, и остановился на ее лице. Оно было покрыто пластинами странной массы желтовато-белого и серого цвета.

— Маска! Долой ее! — воскликнул Дохватов.

Он осторожно снял маску, передал Холмину и, всмотревшись в лицо, сказал:

— Личность знакомая. Одноглазый Кондратий.

— Да, это он, — подтвердил Холмин. — А кто другой?

— Сейчас поглядим...

Вторая фигура была тоже в маске. Под нею обнаружилось пухлое, мясистое лицо с небольшими усами и русой, кудреватой бородкой.

— Этого я не знаю, — с сожалением произнес агент. — Но ничего. Произведем опрос дубовичан и личность установим.

— Опроса не потребуется. Я его знаю, — сказал репортер.

— Кто же это?

— Здешний старец-начетчик, Федор Матвеевич Глуховских.

— Да ну? Вот так штука, — протянул агент...

Старец был убит, но Кондратий шевелился и слабо стонал. Услышав его стоны, Дохватов бросился к нему. Он стал возле него на колени и, приподняв за волосы его голову, слегка встряхнул ее.

— Ну, ты, бандит! Развязывай язык! Кто придумал эту штуку с бродячими мертвецами?

Осодмилец стонал, не отвечая ни слова.

— Говори, бандит! Или я тебе все зубы наганом выбью! — заревел агент.

Холмин тронул его за рукав.

— Нельзя же так, Василь Петрович.

Дохватов локтем оттолкнул репортера.

— Не лезь, Шура. Теперь я сам управляюсь. Тут дело политическое получается. Мы должны поскорее все выяснить, иначе нам будет плохо.

И он, трясая за волосы голову Кондратия и замахиваясь на нее фонарем, заорал снова:

— Морду разобью! Отвечай! Кто придумал мертвецов?

До слуха Холмина, вперемежку со стонами, еле слышно донесся ответ осодмильца:

— Районный... уполномоченный ГПУ... товарищ Котиный...

Дохватов, пораженный этим неожиданным ответом, опустил фонарь. Холмин подумал и сказал:

— Спросите его об убитом гармонисте.

Агент обернулся к нему.

— Думаешь, он зарезал?

— Уверен в этом.

Дохватов встряхнул осодмильца.

— Ты зарезал гармониста?

— Я, — зашелестели губы Кондратия, — вышел из столовки... спрятался за крыльцом... подождал Пашку... потом ножом...

— Кто приказал убить?

— Старец.

С последним словом изо рта осодмильца вытекла струя крови; тело его дернулось и вытянулось.

— Кончился, — произнес агент, вставая с колен. Он поднял валявшуюся рядом с трупом старца маску и, при свете своего фонаря, начал разглядывать ее.

— Интересно, из чего эта штука сделана? Труха какая-то. В руках крошится. И раньше светилась, а теперь нет.

Холмин внимательно осмотрел другую маску, бывшую у него в руках, и сказал:

— Кажется, я догадываюсь из чего она. Погасите-ка фонарь, Василь Петрович.

Фонарь погас. В темноте обе маски опять начали светиться слабым неподвижным светом.

— Да, это гнилушка, — уверенно сказал Холмин.

— Какая гнилушка? — спросил Дохватов.

— Обыкновенная. Из лесу. Гнилое, трухлявое дерево.

— Верно, Шура. Ловкую штуку они с гнилушкой придумали.

Холмин вспомнил о Тюхе-Митюхе.

— А где же наш участковый милиционер?

— В самом деле, где он? Со мной рядом в кустах сидел. Может, помер со страху? — забеспокоился агент.

Он лучем фонаря провел по кустам. Под одним из них они увидели милиционера, сидящего на корточках, закрыв лицо руками. Рядом на земле валялся наган.

— Эй, участковый! — крикнул Дохватов. — Мертвецкое представление окончено. Вылазь да наган подбери.

Тюха-Митюха вылез из кустов, весь дрожа, и спросил заплетающимся языком:

— Где они?

— Померли. Больше бродить не будут, — успокоил его агент и, вдруг, заторопился:

— Шура! Нам нужно спешно ехать.

— Куда?

— После объясню.

Он сунул маску в руки милиционеру.

— Держи, участковый. Сохранишь, как вещественное доказательство. Другую мы заберем с собой. Трупы не трогать. Поставить охрану из осодмильцев. Окружающее население не подпускать.

- Следовало бы этих мертвецов показать дубовичанам, — заметил Холмин.
- Ты думаешь? — обернулся к нему Дохватов.
- По моему очень невредно. Пусть посмотрят, кто их в колхоз загонял.
- Верно. Участковый! Интересующихся от трупов не отгонять. Пускай только руками не лапают. Желаящим давать объяснения. Ясно-понятно?
- Понятно, товарищ начальник.
- Пошли на вокзал, Шура, Может, еще успеем к поезду...

7. Товарищ Котиный

- Куда мы едем? — спросил Холмин Дохватава.
- Отдуваясь и вытирая пот со лба, агент сказал: — Погоди, Шура. Дай немного передохнуть. Совсем запарился...
- Им повезло. Поезд «выбился из графика» и через полустанок проходил с опозданием. Агенту и репортеру удалось на-ходу вскочить в последний вагон. Сунув под нос оберкондуктору свое служебное удостоверение, Дохватов потребовал:
- Отдельное купэ.
- Это его требование было сейчас же выполнено.
- Едем мы, Шура, — заговорил агент, отдышавшись, — в районный центр, к самому товарищу Котиному.
- Зачем?
- А затем, чтоб в тюрьму не сесть?
- В тюрьму? За что же нас туда сажать?
- Есть за что. Уголовное дело с бродячими мертвецами превратилось в политическое. Поскольку же в нем замешан районный уполномоченный ГПУ, то он очень захочет нас изолировать. А чтоб этого не произошло, мы должны с ним поговорить и его запугать. Репортер с сомнением покачал, головой.
- Мы? Запугать гепеушника?
- Думаешь, не выйдет? Еще как. Нужно только на него навалиться нахрапом. Взять на испуг, на горло, на пушку, на Бога. Слушай, Шура. Ты — человек верующий и я тоже не без веры. Но, когда я Котиному про Бога напомяну, не вмешивайся и не возражай. Только поддакивай. Иначе — сядем. Ясно-понятно?
- Понятно, но не очень ясно.
- Ладно. Потом прояснится...
- Поезд, «выбившийся из графика», шел медленно, подолгу простаивая на станциях, и агент с репортером добрались до районного центра только часа через три. Дохватов с вокзала позвонил по телефону в областной Уголовный розыск и вызвал шофера:
- Сеня! Ты? Спешно выезжай сюда, ко мне. Да! В район. Остановишься у дома уполномоченного ГПУ и дашь три длинных гудка. Машину гони на всю скорость. От этого зависит мое существование. И в пути, чтоб никаких аварий. Иначе — башку отвинчу. Ясно-понятно?
- Телефонная трубка в ответ громко крикнула.

* * *

У районного уполномоченного ГПУ, товарища Котиного была поза пресыщенного жизнью древне-римского патриция, а физиономия — крупного выдвигенца из мелких сухопутных клешников из тех самых, которых в первые годы советской власти называли «красой и гордостью революции». Эту физиономию заботливо и упорно холили, но, из-за грубости черт, дурного цвета кожи, нескольких шрамов и множества угрей, так и не смогли выхолить.

Принимая Дохватова и Холмина в своем кабинете, он возлежал в кресле за столом и лениво цедил сквозь зубы:

— Это вы хорошо сделали, граждане поднадзорные, что сами явились. А я хотел было уже за вами людей посылать.

— На какой предмет? — осведомился Дохватов.

Уполномоченный ГПУ изменил позу. Теперь он не возлежал о восседал в кресле, цедя слова со зловещей значительностью:

— На предмет вашего ареста. По обвинению в превышении власти и в противодействии хозяйственно-политическим мероприятиям органов ГПУ.

Дохватов, сделав вид, что это зловещее заявление нисколько его не удивляет и не волнует, досадливо отмахнулся от уполномоченного.

— Не бузи зря, товарищ Котиный. С нашим арестом успеется, — он метнул косой взгляд в приведших их сюда двух охранников. — Отошли-ка своих телохранителей. Имеем к твоему сведению секретную информацию.

Котиный медлил в нерешительности. Тогда Дохватов, не допуская возражений тоном, приказал его молодцам:

— Выйдите отсюда, товарищи! У нас важное дело.

Молодцы поспешили удалиться.

Последовавший затем разговор Холмин часто потом вспоминал. В те времена, к которым относится этот рассказ, подобный разговор еще был возможен. Советский Уголовный розыск тогда еще не совсем и не во всем подчинялся ГПУ, сохраняя кое-какую самостоятельность. Поэтому работник областного Уголовного розыска мог позволить себе разговаривать с районным уполномоченным «органов» несколько свысока и даже дерзко и заносчиво.

Дохватов подошел к столу вплотную, оперся об него ладонями и, смерив уполномоченного тяжелым, косым взглядом, спросил резко и требовательно:

— Так за что, товарищ Котиный, ты хочешь нас арестовать? Нам не совсем ясно и понятно.

Уполномоченный раздраженно ударил кулаком по столу.

— Как за что? Вы сорвали коллективизацию в селе Дубовском и угробили двух моих секретных сотрудников. Ваше вмешательство в операцию органов ГПУ с бродячими мертвецами дало явно вредительские результаты. Мне только что звонили из Дубовского: наиболее несознательные элементы села уходят в горы к абрекам. Интересуюсь: по заданию какой контрреволюционной организации вы действуете?

Агент быстро выдернул из кармана наган и с размаху положил его на стол дулом к Котиному. Поза последнего мгновенно и стремительно изменилась. Как уколотый шилом сзади, он взвился над креслом и тяжело плюхнулся в него. Теперь он уже не восседал, а сидел съезжившись.

— Ах ты, гад! — загремел Дохватов. — Хочешь нас в контрреволюции обвинить? За решетку посадить хочешь? Методами физического воздействия вырвать у нас признания? Свою вину свалить на наши головы? Так знай, гад, что этот номер не пройдет. Прежде я тебе череп продырявлю.

Товарищ Котиный съезжился еще больше и угри на его неудачно выхоленной физиономии побелели от страха. Агент придвинул к себе стул и, усевшись на него верхом, сказал репортеру:

— Товарищ Холмин! Присаживайся к столу поближе. Разговор будет серьезный и длинный.

Холмин пододвинул один из стульев к столу и сел. Дохватов заговорил, несколько понизив голос:

— Влип ты, товарищ Котиный, с этими бродячими мертвецами. Здорово влип. А почему? Да потому, что не проинформировал нас — областной Уголовный розыск. А санкции

вышестоящих организаций на подобные методы коллективизации сельского хозяйства у тебя имеются? Ну-ка, покажи мне эти санкции.

— Какие могут быть санкции? — растерянно пробурчал уполномоченный.

— Ага! — торжествующе воскликнул агент. Значит, ты по собственной инициативе фокус с мертвецами устроил? Кто же тебе разрешил массовую работу среди трудящегося населения подменять голым администрированием, базирующимся на использовании религиозных предрассудков?

— Что я мог поделать, если староверы без психологического воздействия в колхоз не идут?

— И ты решил воздействовать на них мертвецами? Не мог придумать ничего лучше? Это перегиб, товарищ Котинный. Политический вывих. В то время, когда партия требует от нас усиления антирелигиозной пропаганды, ты возрождаешь древние суеверия, способствуешь укреплению веры в Бога и загробную жизнь. За это тебя по головке не погладят.

Дохватов повернулся к Холмиину.

— Как вы думаете, товарищ Холмин, что ему за это может быть?

— Вероятно, он положит на стол свой партбилет, — ответил репортер первой, пришедшей ему в голову фразой.

— Не только это, — подхватил агент. — Он сам ляжет на стол большого конвейера.

— Вполне возможно, — подтвердил Холмин.

При упоминании о конвейере пыток, уполномоченный ГПУ затрясся и попытался возразить заплетающимся от страха языком:

— Товарищи! На конвейер меня отправлять не за что. Мне приказано проводить коллективизацию любыми методами. И если-б вы ее в Дубовском не сорвали, то никто бы, даже в краевом центре, не возразил. Наоборот, одобрили бы.

— Товарищ Котинный! — крикнул Дохватов. — О срыве замолкни. Подумай лучше, как выпутаться из этого грязного дела.

Уполномоченный развел трясущимися руками.

— Что же тут думать?

Агент свой грозный тон сменил на ласковый и вкрадчивый:

— Вот что, товарищ Котинный. Мы с тобою люди свои. Работаем почти в одном и том же следственном аппарате. Так зачем нам ссориться? Давай мы это дело замнем для ясности и понятности. Все равно теперь от него — никому никакой пользы. А вред может быть тебе больше, чем нам.

На физиономии уполномоченного изобразилась смесь разнообразных чувств: облегчения, нерешительности, некоторого раздумья и сожалений об утраченных возможностях. Он снова принял позу восседающего в кресле римского патриция и произнес нерешительно:

— Замять, конечно, можно.

— Так в чем дело? Замнем! Договорились? — поспешил подхватить агент.

Уполномоченный вздохнул с сожалением и, в то же время, с облегчением.

— Что же с вами поделаешь? Договорились... Больше у вас, товарищи, ко мне ничего нет?

— Один вопрос, — сказал Холмин. — Как вы подменили старца-начетчика?

— А зачем вам это знать? — с неудовольствием спросил Котинный.

За репортера внушительно ответил агент:

— Товарищ Холмин состоит у нас экспертом по уголовным делам. Случай с бродячими мертвецами интересует его не практически, а теоретически. Да ты, товарищ Котинный, не стесняйся. Объясняй. Ведь твои мертвецы уже перестали быть секретом.

— Могу и объяснить, — не очень охотно согласился уполномоченный. — Только, чтоб это было между нами.

— Конечно. Дальше нас не пойдет, — заверил его Холмин.

— Вот как было дело. После смерти своего старца-начетчика дубовичане вытребовали себе другого из Сибири. Мои сексоты, понятно, донесли мне об этом. Я телеграфно запросил уполномоченного ГПУ того сибирского района, где проживал старец. Мне ответили шифром со всеми подробностями. В пути старец был арестован. Его обвинили в религиозной контрреволюции и посадили в изолятор. К дубовским староверам я отправил с документами старца, — поддельными, конечно, — одного из моих сотрудников. Вот и все.

— Ловко ты это обтяпал, товарищ Котиный, — заметил Дохватов.

— У нас в каждой церковной и сектанской организации сексоты имеются, — самодовольно похвастался уполномоченный.

— Кого именно вы послали к дубовичанам? — спросил репортер.

— Начальника нашего антирелигиозного сектора, — ответил Котиный.

— Вот, значит, кого я ухлопал! — воскликнул агент.

Уполномоченный ГПУ вздохнул.

— Да. К сожалению.

— Ничего. Тебе нового сотрудника пришлют. Их у вас хватает, — сказал Дохватов и, встав со стула, подошел к окну. Открыл его, выглянул через оконную решетку на улицу и, с досадой пожав плечами, вернулся обратно. Искоса окинул быстрым взглядом Холмина и, видя, что у того вопросы, как будто, кончились, сам начал спрашивать уполномоченного:

— Ну, а что нового, товарищ Котиный, у тебя в районе?

— Ничего особенного.

— Работы много?

— Через край.

— Следственных дел?

— Завалены ими.

— А вот у нас мало. Больше анекдотами занимаемся. Хочешь, расскажу парочку новеньких?

И не дожидаясь согласия своего невольного собеседника, стал рассказывать, по временам останавливаясь и прислушиваясь к шуму раннего утра, приглушенно доносившемуся с улицы. На пятом анекдоте уполномоченный запротестовал:

— Товарищи! Меня дела ждут.

— погоди, — перебил его агент. — Я еще расскажу один случай из моей уголовной практики. Тебе интересно послушать.

Случай был запутанный, с множеством подробностей и объяснений их, но уполномоченного ГПУ заинтересовал. Однако, в середине своего повествования рассказчик неожиданно вскочил со стула. Через приоткрытую ставню окна, с улицы донеслись три длинных автомобильных гудка. Дохватов энергично потряс руку ошеломленному Котиному и крикнул:

— Пока, товарищ Котиный! Спешим! Всего! Привет! В другой раз доскажу.

И, ухватив Холмина за рукав, потащил его из комнаты. На улице он втолкнул его в зеленый фордик, — старенький и замызганный, — сел сам и крикнул в затылок шоферу:

— Сеня! Гони во весь дух!

Автомобиль отчаянно запрыгал по уличным кочкам и лужам. Холмин, ударившись головой о брезентовый верх фордика, недовольно спросил:

— Василь Петрович, куда мы так торопимся?

— Надо торопиться, Шура. Этот гад Котиный может еще передумать, а автомобиль у него получше нашего. Мы должны поскорее выбраться из его района. У себя в области нам, в случае чего, с ним бороться будет легче, — объяснил Дохватов.

— Но ведь мы договорились.

— Ха! Договор с гепеушником? Смешно...

Когда они отъехали от районного центра километров на сорок, агент облегченно вздохнул и приказал шоферу:

— Теперь, Сеня, давай потише... Вырвались.

Автомобиль сбавил скорость и понизил высоту своих прыжков. Дохватов, устраиваясь поудобнее на сиденье, обратился к Холмину:

— Теперь, Шура, рассказывай, как ты до бродячих мертвецов докопался. Мне пока не все ясно и понятно.

— Рассказывать почти нечего, Василь Петрович, — сказал репортер. — Разве только добавить кое-что к уже вам известному?

— Ну, давай добавляй.

— Вы помните, что прошлой ночью я отправился к старцу в надежде на его помощь нам?

— Помню.

— При виде одноглазого Кондратия, осодмильца и безбожника, выходящего от староверческого начетчика, мои надежды разлетелись, как воробьи из раскулаченной деревни. У меня возникло подозрение, что Кондратий и старец имеют какое-то отношение к бродячим мертвецам и убийству Пашки-гармониста. Моя встреча со старцем и начало беседы с ним укрепили это подозрение. Окончание же беседы убедило меня в том, что он — лже-старец и агент ГПУ. Однако и он понял, что я совсем не тот, за кого себя выдаю.

— Неужели он, после этого, думал, что ты поверишь в его «мертвецов»?

— Нет. Лже-старец подумал другое. Он предположил, что я направлен к нему, в качестве тайного агента, из областного управления ГПУ.

— Для проверки исполнения?

— Вот именно. А подумав так, решил мне «показать товар лицом». Ну и показал.

— На свою голову.

— Да и на нашу, кажется, тоже.

— Ничего. Как-нибудь вывернемся. Жаль, что на месте лже-старца не оказался товарищ Котиный, Я бы его с большим удовольствием ухлопал.

Холмин предостерегающе указал глазами на затылок шофера. Однако, Дохватов небрежно отмахнулся рукой от этого предостережения.

— Не беспокойся, Шура. Наш шофер — парень свой. Надежный. Верно, Сеня?

Шоферский затылок кивнул утвердительно... Через час с лишним автомобиль остановился у подъезда областного Уголовного розыска. Вылезая из машины, Дохватов сказал вполголоса:

— Вот ты, Шура, распространяешься про криминальные теории Ламброзо и преступные шишки на голове. А по-моему главное фамилия, которую человек носит. Людей с фамилией, как, например, Котиный я передудил бы еще во младенческом возрасте.

Используя опыт царя Ирода. Иначе они, как подрастут, то обязательно гепеушниками заделаются. Ясно-понятно, Шура?

Репортер рассмеялся.

— Ясно-понятно, Василь Петрович...

Конец.

Май-сентябрь 1956 г. Буэнос Айрес

Готовится к печати того же автора:

СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

(Продолжение истории сыщика Холмина).

Сборник рассказов.